

Вопросы философии. 2017. № 6. С. 82–91

Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского*

В.М. Дианова, Я.Г. Скочиньский

Освещаются основные этапы жизненного пути профессора М.Э. Здзеховского (1861–1938) и отличительные черты его мировоззрения. Показывается, что творческая деятельность теоретика культуры, философа, публициста и лингвиста польского происхождения осуществлялась в непосредственном контакте с видными деятелями российской культуры рубежа XIX–XX вв. Масштабные исторические события, произошедшие в период его жизни, решающим образом определили тематику его творчества и повлияли на формирование миро воззрения. Будучи профессором Ягеллонского, затем Виленского университетов он в своей преподавательской, научной и публицистической деятельности всячески проявлял заботу о взаимопонимании польского и русского народов, изучал и пропагандировал русскую литературу, которую хорошо знал и любил, читал лекции о русской религиозной мысли в Сорбонне (1925), впоследствии опубликованные, ратовал за сближение православия и католицизма.

Вовлечение в исследовательское поле текстов все еще малоизвестного в России славянского религиозного мыслителя стало возможным благодаря смене оптике видения, или же выбору иной коммуникативной стратегии, возникшей в постсоветский период при смене политического и идеологического режимов. Такая умственная деконструкция, применяемая к интерпретации творчества и переоценке мировоззренческих позиций конкретных деятелей культуры, способствует расширению смыслового поля культуры, вводя в него тексты, транслирующие и генерирующие новые смыслы, охватывая его в большей полноте и многообразии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. Здзеховский, историческое наследие, национальное самосознание, патриотизм, Российская империя, коммуникативные стратегии, интерпретация творчества.

ДИАНОВА Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор СПбГУ.

v.dianova@spbu.ru

СКОЧИНЬСКИЙ Ян Генрихович – доктор философии, профессор Ягеллонского университета, Краков, Польша.

j.skoczynski@iphils.uj.edu.pl

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2016 г.

Цитирование: *Дианова В.М., Скочиньский Я.Г.* Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 82–91.

---

* При финансовой поддержке гранта РФНФ, проект № 15-33-01018. With a support of Grant № 15-33-01018 by Russian Foundation for Humanities.

© Дианова В.М., Скочиньский Я.Г., 2017 г.

Жизненный путь и многогранное творчество историка и теоретика культуры, публициста, философа и слависта Мариана Эдмундовича Здзеховского (1861–1938) интересны не только полякам. Его жизнь и профессиональная деятельность теснейшим образом связана с Россией. О непосредственной включенности в российскую общественную и культурную жизнь конца XIX – начала XX вв., а впоследствии – продолжившемся осмыслении проблем Советской России, свидетельствует его творческое наследие, содержащее книги, статьи, выступления, тематика которых посвящена актуальным проблемам того времени, а также обширная переписка с видными деятелями российской культуры. Будучи профессиональным литератором, М. Здзеховский был знатоком и пропагандистом русской литературы. Однако спектр его творческих интересов и деятельности этим не ограничивался. Он обращался к проблемам, волновавшим передовую часть творческой интеллигенции своего времени, трактуя их в широком социально-философском и политическом контекстах. Прежде всего, это проблема сосуществования польского и русского народов в едином культурном пространстве Российской империи; выявление специфики российской и польской ментальности; поиск путей взаимопонимания поляков и русских. Он анализировал особенности мировоззрений, своеобразие религиозных верований, психического склада души русского и польского народов, пытался определить пути сближения между поляками и русскими, писал о других славянских народах.

Тематика его творчества тесно увязана с событиями тех лет, во многом определенная ими, и это придавало острую публицистическую направленность многим его текстам, особенно последних лет жизни. В круг его общения были вовлечены Л.Н. Толстой, Н. Бердяев, Дм. Мережковский, З. Гиппиус, Вл. Соловьев, С.Н. Булгаков, Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, Дм. Философов, П.Б. Струве и многие другие деятели русской культуры. Эти контакты сформировались в период существования Российской империи, во времена общей заботы о разрешении насущных проблем в свете взаимопонимания народов, в частности славянских, входивших в ее состав. Продолжились они и тогда, когда многие из этого круга творческой интеллигенции покинули Советскую Россию. О встрече с М. Здзеховским после бегства из Петрограда вспоминает Зинаида Гиппиус. Вместе с Д. Мережковским, Д.В. Философовым и В.А. Злобиным она оказалась в январе 1920 г. Вильно. “Русских в Вильно мы встречали не много. Главное – польское общество. Наш старый знакомый и друг, Марианн (написание имени приводится согласно цитированному первоисточнику – *В.Д., Я.С.*) Здзеховский, профессор Виленского университета, устраивал у себя постоянные, очень интересные, собрания. Собственно только с Вильно мы начали понимать польское общество и польские настроения. Собрания у Здзеховского продолжались вплоть до нашего отъезда в Варшаву” [Гиппиус 1991, 321–322].

Творчество и мировоззрение М. Здзеховского не могут быть поняты вне российской истории и духовной жизни тех лет. Между тем наследие этого польского славянофила, так порой называют его сегодня в Польше, почти не известно современному российскому читателю. Оно включает десятки книг, многочисленные статьи, выступления, опубликованные в российских журналах того времени: “Вестник Европы”, “Московский еженедельник”, “Северный вестник”, “Новое звено” и др. В Виленском государственном университете находится архив М. Здзеховского. Многие из хранящихся там документов опубликованы теперь в интернет-изданиях, письма снабжены научным комментарием. Однако какого-либо целостного исследования о М. Здзеховском в России нет. Оценивая деятельность этого крупного мыслителя и ученого, нельзя не видеть, что она в значительной мере была направлена, по его собственному признанию, “на трудный подвиг работы над примирением двух братских народов” [Здзеховский 1913, 22].

Охватывая взором жизненный путь М. Здзеховского, нельзя удержаться от искушения отметить, используя популярный ныне термин, его “трансграничный” характер

и что начинался этот путь на просторах Российской империи. “Родом я с минщины” [Здзеховский 1913, 20]. Эта местность, находящаяся вблизи Ракова, в 35 км западнее Минска, вошла в состав России после второго раздела Речи Посполитой (1793).

Приведем некоторые сведения о биографии и творческом пути М. Здзеховского. Он окончил русскую гимназию в Минске (1879), изучал славистику в Петербургском университете, в 1880—1883 гг. продолжил учебу в Дерптском университете¹. Здесь проявился его интерес к философскому образованию под влиянием Густава Тейхмюллера². Дополнительное образование он получал в университетах Женевы, Граца и Загреба. Первые его книги были изданы на русском языке: “Очерки по психологии славянского племени. Славянофилы” (СПб., 1887) и “Религиозно-политические идеалы польского общества” (Лейпциг, 1896). Обе книги были опубликованы под псевдонимом М. Урсин. Ему покровительствовал, по-видимому, В.Д. Спасович³, оказавший влияние на формирование мировоззрения М. Здзеховского. Памяти этого русского адвоката и теоретика литературы, он посвящает очерк в одном из своих последних сборников “От Петербурга до Ленинграда” (1934). Тема взаимопонимания славянских народов, органичного сосуществования польского и русского народов в пределах Российской империи, пронизывает все творчество М. Здзеховского. В ней отражается боль, разочарования, обиды и горечь, вызванные его осознанием исторических перипетий и неэффективности имперской политики, усугубивших невозможность решения этой проблемы.

Уже в первой книге выявляется склонность М. Здзеховского трактовать широкий круг культурологических и мировоззренческих проблем, исходя из анализа конкретных литературных текстов. Предметом исследования становится национальное самосознание, выраженное в творчестве польских, русских, украинских писателей и поэтов; что же касается других славянских народов, то им в книге уделено немного места поскольку эта “малая отрасль южнославянского мира зацвела позже других” [Урсин 1887, 204]. М. Здзеховский выявляет отличительные черты славянского мира в целом по отношению к европейским народам, с их “западной рассудочностью” и практицизмом, сравнивает польский мессианизм и русский, пытается определить их истоки. Анализируя творчество А. Мицкевича, он обращает внимание на присущий поэту мистицизм и своеобразный патриотизм, основанный “на вере в призвание народа, связанной с христианско-социальными стремлениями” [Урсин 1887, 27]. Нельзя не заметить в книге сдержанность в оценке поляков и позитивную оценку русских славянофилов, в частности, А.С. Хомякова, расцениваемого автором как “одного из величайших людей, которых произвела Россия” [Урсин 1887, 119]. Анализ и суждения М. Здзеховского — показатель высокой эрудиции и профессионализма молодого автора, но они небесспорны. Украинский писатель Иван Франко откликнулся вскоре критической статьей на книгу, отвергнув, в частности, трактовку, данную творчеству Т.Г. Шевченко, произведения которого якобы содержат пессимизм и выражают “безотрадно-унылое настроение” автора. Франко выразил свое несогласие не только с оценкой мировоззрения украинского поэта, но подверг критике некоторые идеи книги, посчитав, что у автора “отчетливо проявляется односторонность и недостаточность его характеристики славянофильства” [Франко 1980, 238—241]. Итак, книга оказалась замеченной. Ее польская версия была опубликована в Кракове [Zdziechowski 1888], что способствовало получению М. Здзеховским в Ягеллонском университете в 1894 г. докторской степени, после чего он начинает там преподавать сравнительное литературоведение на философском отделении.

В книге “Байрон и его время. Сравнительно-литературоведческие исследования. Т. I: Западная Европа” [Zdziechowski 1894] и особенно во втором томе этого грандиозного исследования наряду с анализом байронизма чешского и польского, обстоятельно освещается проявление этого феномена в русской литературе: “Байрон и его время. Сравнительно-литературоведческие исследования. Т. II: Чехия, Россия, Польша” [Zdziechowski 1897], и это представляет особый интерес для российского читателя. Материал этого научного труда группируется по национальным блокам, в которых творчество наиболее выдающихся поэтов рассматривается более подробно. Анализ

российского наследия начинается с творчества В.А. Жуковского — отца российского байронизма. Далее подробно рассматривается наследие А.С. Пушкина, затем следует анализ творчества поэтов пушкинского круга, “поэтов несколько меньшего таланта”: П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова. обстоятельно проанализировано творчество А.С. Грибоедова. Начиная с байронизма Онегина и Чацкого, возникло в российской литературе все то, что сделало ее соразмерной всемирной, включает М. Здзеховский. В тексте имеются сравнения с польскими литераторами. Когда речь идет о творчестве поэта И. Козлова, то М. Здзеховский упоминает о том, что А. Мицкевич посвятил ему поэму “Фарис”, приводятся суждения профессора Дерптского университета П.А. Висковатова, который сравнивал М. Лермонтова с польским поэтом Ю. Словацким. Ограничиваясь этими примерами, заметим, что текст книги отличается наличием широкого исторического и культурологического контекста, во многих случаях автор прибегает к сравнительному анализу.

Жизнь в Кракове — Краков в то время был включен в состав владений Австро-Венгрии, вплоть до 1918 г. — была насыщена не только научной, но и общественной работой. М. Здзеховский — один из основателей Славянского клуба (1901), созданного краковскими учеными, критиками и литераторами. Со времени основания, вплоть до 1912 г., он был президентом и одним из постоянных сотрудников его печатного органа *Świat słowiański* (1905—1914). Преподаванию в университете сопутствует интенсивная работа с российскими издателями, поэтому М. Здзеховский часто посещает Петербург и Москву. Некоторые его тексты, на что уже было обращено внимание, печатаются вначале на русском, а позже публикуются на польском языке. Так, первоначально в “Вестнике Европы” — журнале, ставшем трибуной российского либерализма, издаваемом и редактируемом с 1866 по 1908 гг. М.М. Стасюлевичем, печатался текст его книги “Байрон и его время” (Т. I).

В весенне-летние месяцы М. Здзеховский обычно навещал родительское имение под Минском. Отсюда он впервые написал письмо Л.Н. Толстому в Ясную Поляну. Поводом послужило желание издать за границей в полном объеме статью о религиозно-политических идеалах польского общества, изданную под псевдонимом М. Урсин в июльском номере “Северного вестника” (1895) в сокращенном виде. Впоследствии в предисловии к вышедшему в Лейпциге полному тексту М. Здзеховский поясняет: “Не рассчитывая на распространение статьи, подписанной именем малоизвестным в русской литературе, я обратился к глубокому истолкователю христианства Л.Н. Толстому с просьбой о нравственной помощи в виде предисловия” [Урсин 1896, III]. Ответ Л.Н. Толстого, как первоначально было задумано М. Здзеховским, размещен в предисловии. Л.Н. Толстой одобительно отозвался о статье, отметив, в частности, то, как польским автором представлены личности Мицкевича и Товянского, признавшись, что ранее мыслил их взгляды иначе, не придавая столь значимого характера их роли в развитии патриотизма. При этом он изложил свои мысли относительно освещаемой проблемы, различая в трактовках феномена патриотизма неоднозначные смыслы. Поскольку у самого Л.Н. Толстого недавно была опубликована статья “Христианство и патриотизм” [Толстой 1928—1958 XXXIX, 27—80], он делится с польским автором своими соображениями по поводу возражений русских, немецких, французских, австрийских философов и публицистов, в том числе и самого М. Здзеховского. Рассуждения Л.Н. Толстого о патриотизме представляют бесспорный интерес, поскольку проливают свет на остро дискутируемую в то время проблему. Прислушаемся к некоторым его суждениям.

Л.Н. Толстой пишет, что его оппоненты различают “дурной” и “хороший и полезный” патриотизм, критерием для этого служит проявление деятельности, направленной на достижение цели: то ли это деятельность, способствующая “защите родной веры и языка”, то ли это деятельность, способствующая “завоевательной” деятельности могущественных народов, вызывающая “человеконенавистнический патриотизм” [Толстой 1928—1958 LXVIII, 166; Урсин 1896, V]. Однако такое различие не раскрывает сути патриотизма. Одно из определений, способствующих объяснению

этого феномена, у Л.Н. Толстого следующее: “Под патриотизмом разумеется обыкновенно предпочтительная перед другими народами любовь к своему народу, точно так же как под эгоизмом разумеется предпочтительная любовь перед другими людьми к одной своей личности” [Толстой 1928–1958 LXVIII, 166; Урсин 1896, V–VI]. Однако это свойство “...предпочтения одного народа перед всеми другими, так же как и эгоизм, никак не может быть доброе. Но мало того, что патриотизм есть свойство недоброе, оно есть и неразумное учение” [Толстой 1928–1958 LXVIII, 166; Урсин 1896, VI], – считает писатель. Л.Н. Толстой рассматривает эту тему в ракурсе христианского учения и замечает, что патриотизм призывает к тому, что сполна уже воплощено в христианском учении, а это делает “патриотизм излишним и ненужным и мешающим, как лампа при дневном свете” [Толстой 1928–1958 LXVIII, 167; Урсин 1896, VI]. “Патриотизм требует, например, от своего ученика жертвы своей жизнью для блага своих едиородцев, христианство же требует такой же жертвы для блага всех людей, и потому тем более и естественнее такая жертва для людей своего народа” [Толстой 1928–1958 LXVIII, 167; Урсин 1896, VI]. Комментируя высказывания М. Здзеховского о страшных насилиях, совершаемых русскими властями по отношению к полякам, Л.Н. Толстой поясняет, что следует осуждать это не с позиции польского или какого либо другого народа, не с позиций патриотизма, а с позиции христианина. Он сам, будучи христианином, осуждает произошедшее именно с этой позиции: “И потому, для того чтобы ничего подобного не было ни в Польше, ни в Эльзасе, ни в Чехии, нужно не распространение патриотизма, а распространение истинного христианства” [Толстой 1928–1958 LXVIII, 167; Урсин 1896, VII]. Категоричен вывод русского писателя: “Можно сказать, что мы не хотим знать христианства, и тогда возможно восхвалять патриотизм; но как скоро мы признали христианство, или хоть вытекающее из него сознание равенства людей и уважение к человеческому достоинству, то никакому патриотизму уже нет места” [Толстой 1928–1958 LXVIII, 167; Урсин 1896, VII]. Нельзя не видеть злободневности мыслей Л.Н. Толстого и замеченной им амбивалентности при анализе этого феномена: “Если бы не было учения о том, что патриотизм есть нечто хорошее, никогда не нашлось бы людей столь гнусных, которые в конце XIX века решились бы делать те мерзости, которые они делают теперь” [Толстой 1928–1958 LXVIII, 168; Урсин 1896, VII–VIII]. Эти опасения великого писателя не утратили актуальности и поныне.

Суждения Л.Н. Толстого, безусловно, значимы для М. Здзеховского. Тема патриотизма неоднократно оказывалась предметом его осмысления, она активно дискутировалась в кругу российской интеллигенции, причем мнения об этом феномене не были однозначны. Особую значимость феномен патриотизма приобрел с началом Первой мировой войны. В одном из публичных докладов того времени М. Здзеховский отметил: “Возрождавшийся патриотизм шел тремя струями: 1) политический в тесном смысле слова, без особого оттенка партийности; 2) социалистический; 3) идеалистически-религиозный” [Здзеховский 1914, 4]. Его собственные воззрения следует отнести к последнему типу. Он признавал, что “характер религиозности в Польше превращается в вопрос об отношении патриотизма к религии” [Там же]. Эта тематика важна и в настоящее время в связи с возрастанием во многих странах идей национального самосознания и сопутствующим в некоторых случаях этому процессу религиозным ренессансом.

Среди разнообразных российских журналов, с которыми сотрудничает М. Здзеховский, следует особо отметить “Московский еженедельник”. Интенсивная переписка осуществлялась с Гр.Н. Трубецким, редактирующим этот журнал, который в письме от 3 / 16 ноября 1907 г. М. Здзеховскому написал: “Очень важно для нас знакомить читателей с культурной жизнью Европы и в этом также быть может Вы поможете нам” [Памяти кн. Гр.Н. Трубецкого 1930, 135]. Одной из тем в этом сотрудничестве была тема религиозного обновления, которую активно развивали представители неохристианства или религиозного модернизма в России (Бердяев, Мережковский, Булгаков, Струве) и которой симпатизировал М. Здзеховский [Воронцова 2011 web]. Однако в целом тематика обсуждаемых проблем была весьма широкой. В одном из писем

Гр.Н. Трубецкой обратился к М. Здзеховскому с предложением дать рецензию на книгу проф. А.Л. Погодина [Погодин 1907]. М. Здзеховский приветствовал появление книги Погодина и высказал мнение, что это поставило автора в ряд “самых выдающихся тружеников на почве сближения двух соплеменных, но разделенных историей народов” [Здзеховский 1908, 26]. Не ограничиваясь суждениями о книге, М. Здзеховский осуществляет здесь резкую критику проводимой в Польше имперской политики, которая “искореняла с неистовым бешенством всякие зародыши в польском народе добрых примирительных чувств по отношению к России” [Здзеховский 1908, 34]. Эта политика “введения польского народа в русскую семью” расценивалась им как “один из самых печальных примеров политической тупости и пошлости”, поскольку в итоге “привела к результату, прямо противоположному намеченной цели” [Здзеховский 1908, 35]. Здесь вырисовывается проблема, обозначенная в современной социально-политической мысли как противостояние “центра” и “периферии”. К этой теме настойчиво обращался польский мыслитель, все более теряя веру в возможность примирения двух народов, особенно в “тот важный момент, когда история их призвала к совместной борьбе над обновлением строя громадной империи” [Здзеховский 1908, 35]. Эти мысли характеризуют М. Здзеховского как человека, ратующего за процветание Российской империи и всех населяющих ее народов.

Внутренняя политика царской России, прямо вытекающая из формулы “православие, самодержавие, народность”, способствовала разочарованиям М. Здзеховского и утрате иллюзий его юности. Одной из основных опор самобытной российской государственности было преобладание “господствующей народности”, т.е. великороссов. Это не могло не сказаться на формировании его пессимистического мировоззрения. Накал страстей достигает апогея: “Дайте мне отдохнуть от настоящего; дайте забыть, что есть Россия и русские, прощайте; уйду к своей работе, в далекую от политики глубь религиозно-философских вопросов” [Здзеховский 1913, 22]. Возможно, выражением этого пессимистического умонастроения стала книга “Пессимизм, романтизм и основы христианства” [Zdziechowski 1914], где оно обрело весомое философское обоснование [Skoczynski 1994].

В жизнь М. Здзеховского, как и у всех других, вторглась Первая мировая война. В это время он находился в России (Москва, Петербург, княжество Финляндское), а в конце 1917 г., уезжает в Вильну (с 1918 г. Вильно), где и протекает его оставшаяся жизнь, теперь уже в польском государстве⁴. Здесь, с воссозданием Ю. Пилсудским 28 августа 1919 г. университета⁵, он начинает работать вначале заведующим кафедрой всемирной литературы, впоследствии переименованной в кафедру сравнительного литературоведения, затем деканом гуманитарного отделения и далее – ректором Университета Стефана Батория (1925–1927). Здесь, как и прежде, значительна его общественная деятельность. Отметим лишь его работу в качестве попечителя Союза русских студентов УСБ. Продолжается переписка со многими покинувшими Советскую Россию деятелями культуры. Одним из них был Н.А. Бердяев, переписка с которым началась задолго до высылки российского философа из страны.

Деятельность Н.А. Бердяева осуществлялась под знаком незримо совершающегося “всемирно-исторического перехода к религиозному универсализму” [Бердяев 1907, IV]. Озабоченный идеей сближения православия и католицизма, целью чего должно стать, по его мнению, формирование неохристианства, Н. Бердяев стремился привлечь к сотрудничеству сторонников католицизма, в лице М. Здзеховского он видел человека, который может способствовать этому. Что касается Здзеховского, то творчество раннего Н. Бердяева уже было знакомо ему, причем он критически оценивал некоторые идеи российского философа. Это явствует из письма Н. Бердяева, адресованного М. Здзеховскому: «Я очень благодарен Вам за статью, в которой Вы говорите обо мне. Я сам сейчас очень не удовлетворен своей книгой “Новое религиозное сознание и общественность”» [Бердяев 1910, 166]. Н. Бердяев просит Здзеховского прислать ему католическую литературу, приглашает принять участие в подготовке совместного

сборника о Л.Н. Толстом и помочь привлечь к этому католических авторов. Как видим, это был обоюдный интерес.

По своему мироощущению М. Здзеховский необычайно близок русскому философу. Это касается тем, к которым обращаются оба религиозных мыслителя, в частности трактовки антиномичности российской души, идей катастрофизма, мессианизма, славянофильства и многих других тем. Обоих волновала “старая ссора в славянской семье, ссора русских с поляками”. Причины этой ссоры, в отличие от М. Здзеховского, Н. Бердяев видел не во внешних силах истории и политических причинах; по его мнению, они лежат глубже: “Это прежде всего распря двух славянских душ, родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам и столь различных, почти противоположных, с трудом совместимых, неспособных друг друга понять” [Бердяев 1918, 160]. Осмысление этой темы мы находим в книге Н. Бердяева “Судьба России”, а в ней особо в специальном эссе “Русская и польская душа”. При анализе особенностей русской и польской души он пишет о столкновении Славянского Запада и Славянского Востока, задается рядом нелицеприятных вопросов: почему русской душе всегда так трудно было полюбить польскую, почему польская душа с таким презрением относится к душе русской, почему так чужды и непонятны друг другу эти две славянские души? Примерно эти же вопросы стоят и перед М. Здзеховским, более всего освещающим эту проблему в книге “Русские влияния на польскую душу” [Zdziechowski 1920]. Очевиден параллелизм исследуемой тематики, но ее трактовки различны, причем поразительно схожи манеры изложения и стилистика текста.

Приведем некоторые сравнения: “В типической русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитренности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест. <...> В русском человеке так мало подтянутости, организованности души, закала личности, он не вытягивается вверх, в складе души его нет ничего готического” [Бердяев 1918, 163]. Совсем иная душа польская, заключает Н. Бердяев: “Польская душа – аристократична и индивидуалистична до болезненности, в ней так сильно не только чувство чести, связанное с рыцарской культурой, неведомой России, но и дурной гонор. Это наиболее утонченная и изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетическая до аффектации. В складе польской души русских всегда поражает условная элегантность и сладость, недостаток простоты и прямоты, и отталкивает чувство превосходства и презрения, от которых не свободны поляки” [Бердяев 1918, 163–164]. Формулировки Бердяев хлестки, точны, беспристрастны: “Национальное чувство искалечено у нас, русских, нашим внутренним рабством, у поляков – их внешним рабством” [Бердяев 1918, 166]. Он пишет о необходимости не только понять и полюбить друг друга, но и почувствовать свою принадлежность к единой расовой душе.

М. Здзеховский разделяет трактовку антиномичности русской души, предложенную Бердяевым. В работе “Русские влияния на польскую душу” [Zdziechowski 1920] он поражает великолепной эрудицией, позволяющей ему в качестве аргументации приводить высказывания историков, литераторов, политических деятелей России. Польский мыслитель обращается к анализу процесса русификации в имперской России и высказывает опасения возможных последствий влияния русской культуры на польскую душу. Он осуждает большевизм, неоднократно обращаясь к исследованию причин его появления и пытается предугадать его разрушительные последствия. В книге “Европа, Россия, Азия” это явление он характеризует так: “Большевизм есть доведенная до абсурда идея демократии – и абсурд этот нашел у нас горячих приверженцев” [Zdziechowski 1923, 199]. Н. Бердяев, как и М. Здзеховский, не свободны от психологизма трактовок, религиозной аргументации и пафосных деклараций. В этом необычайная схожесть двух мыслителей.

В последние годы жизни М. Здзеховский болезненно реагирует не только на изменения в России, вызванные приходом большевизма, но и на его распространение в Польше. В его творчестве появляются темы кризиса культуры, конца истории. В этот период его мироощущение расценивается как катастрофизм. Здесь он близок многим

другим западным мыслителям того времени: Шпенглеру, Виткацию (С. Виткевичу), Знанецкому, русским религиозным философам, находящимся в эмиграции. Его мировоззрению чужд национализм, с негодованием он осуждает антисемитизм, эксцессы которого имели место в родном ему университете Стефана Батория. Что же должно стать опорой человеку в этом изменившемся мире? В выступлении на юбилейном вечере, устроенном в Виленском университете по случаю его творческой деятельности, М. Здзеховский ссылается на известные слова И. Канта: “Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением, — звездное небо надо мной и нравственный закон во мне” и заключает, что остается лишь стоять на абсолюте нравственного закона [Здзеховский 1933 web]. Насыщенная событиями и историческими катаклизмами жизнь польского мыслителя и ученого не сломала в нем главного: при всех обстоятельствах, ему был присущ гуманизм, и это, безусловно, главная черта его мировоззрения.

Накал страстей тех лет ушел в прошлое, да и в былое время к тому, что произошло, относились по-разному. В.В. Розанов, который не входил в близкий круг общения польского профессора, но принадлежавший тому же поколению (его имя встречается в текстах М. Здзеховского), комментируя происходящее, писал: «Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер... Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе: “Неужели он (соц.) был?” “И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?” — О, да! И еще скольких этот град побил!!» [Розанов 1990, 298].

Время способствует переосмыслению идей, произошедшие события корректируют оценки — все это позволяет сменить оптику видения и иначе осмыслить случившееся, дать новую интерпретацию забытых текстов. На неизбежную смену парадигмы памяти-забвения обращал внимание Ю.М. Лотман: “Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (то есть хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и “как бы перестает существовать”. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения” [Лотман 2000, 201]. Использование определенных культурных кодов, о типологии которых писал тартуский мыслитель, по сути, есть выбор коммуникативной стратегии, посредством которой осуществляется анализ и интерпретация текста. Такая умственная деконструкция расширяет смысловое поле культуры, вводя в него новые тексты, транслирующие и генерирующие новые смыслы, представляя его тем самым в большей полноте и многообразии.

Примечания

¹ Дерптский университет, в 1893 г. переименован в Юрьевский, с 1919 г. — Тартуский университет (Эстония).

² Тейхмюллер Густав (1832—1888) — немецкий философ. Развил учение христианского персонализма, соединял принципы учения Г.В. Лейбница с идеями И. Канта и И.Г. Фихте.

³ Спасович Владимир Данилович (1829—1906) выдающийся юрист и многосторонний писатель.

⁴ В 1918 г. была сформирована Польская Республика, на территории которой находился город Вильно.

⁵ Виленский университет — старейший университет Европы, был упразднен 1 мая 1832 г. рескриптом Николая I.

Источники — Sources in Russian

Бердяев 1907 — *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: М.В. Пирожков, 1907 (Berdyayev N. *New Religious Conscience and Sociality*. In Russian).

Бердяев 1910 — *Бердяев Н.* Католический модернизм и кризис современного сознания / Духовный кризис интеллигенции. М., 1910 (*Catholic Modernism and Crisis of New Conscience*. In Russian).

- Бердяев 1918 – *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918 (Berdyayev N. *The Fate of Russia. Experiments on the Psychology of War and Nationality.* In Russian).
- Гиппиус 1991 – *Гиппиус З.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991 (Gippius Z. *The Living Faces.* In Russian).
- Здзеховский 1887 – *Здзеховский М.* Очерки по психологии славянского племени. Славянофилы. СПб., 1887 (Zdziechowski M. *Essays on Psychology of Slave Nation.* In Russian).
- Здзеховский 1908 – *Здзеховский М.* Современная Польша // Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12 (Zdziechowski M. *Modern Poland.* In Russian).
- Здзеховский 1913 – *Здзеховский М.* Чего хотят поляки? (Письмо к издателю) // Новое звено. Еженедельник. 1913. 14 декабря. № 1 (Zdziechowski M. *What do Polishes want?* In Russian).
- Здзеховский 1914 – *Здзеховский М.* О польском религиозном сознании. Публичный доклад. М., 1914 (Zdziechowski M. *On Polish Religious Conscience.* In Russian).
- Здзеховский 1933 web – *Здзеховский М.* Юбилейная речь в Виленском университете им. Стефана Батория // [Новая Польша. 2008. № 10] <http://novpol.org/ru/H1ZFuOGwJW/YuBILEJNAYARECh-V-VILENSKOM-UNIVERSITETE-im-STEFANA-BATORIYA> (Zdziechowski M. *Jubilee Speech in Vilno University.* In Russian).
- Памяти кн. Гр.Н. Трубецкого (1930) Из переписки кн. Гр.Н. Трубецкого с проф. М. Здзеховским (1907–1920) / Памяти кн. Гр.Н. Трубецкого. Сборник статей. Париж, 1930.
- Погодин 1907 – *Погодин А.Л.* Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907 (Pogodin A.L. *The Main Stream in the Polish Political Thought (1863–1907).* In Russian).
- Розанов 1990 – *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Том 2. Уединенное. М.: Правда, 1990 (Rosanov V. *Fallen Leaves.* In Russian).
- Толстой 1928–1958 – *Толстой Л.Н.* ПСС в 90 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935–1958. (Tolstoy, Leo N. *Complete set of Works.* In Russian).
- Урсин 1887 – *Урсин М.* [Здзеховский М.] Очерки по психологии славянского племени. Славянофилы. СПб., 1887 (Ursin M. [Zdziechowski M.] *Essays on Slave Nation's Psychology. Slavophiles.* In Russian).
- Урсин 1896 – *Урсин М.* [Здзеховский М.] Религиозно-политические идеалы польского общества. Очерк М. Урсина с предисловием графа Л.Н. Толстого. Лейпциг, 1896 (Ursin M. [Zdziechowski M.] *Religious and Political Ideals of Polish Society. M. Ursin's Essay with the L.N. Tolstoy's Introduction.* In Russian).
- Франко 1980 – *Франко И.Я.* Собр. соч. в 50 т. К.: Наукова думка, 1980. Т. 27. С. 238–241 (Franco I. *Works.* In Russian).

Источники на польском языке

- Zdziechowski, Marian (1888) *Mesjanisci i slowianofile. Szkice z psychologii narodów slowiańskich*, Kraków.
- Zdziechowski, Marian (1894) *Byron i jego wiek. Studia porównawczo-literackie*, T.I: *Europa Zachodnia*. Czas, Kraków. (Zdziechowski M. *Byron and his Age*. Vol. I. In Polish).
- Zdziechowski, Marian (1897) *Byron i jego wiek. T.II: Czechy, Rosja, Polska*. Czas, Kraków. (Zdziechowski, M. *Byron and his Age*. Vol. II. In Polish).
- Zdziechowski, Marian (1914) *Pesymizm, romantizm a podsway chreścianstwa*. Czas, Kraków. (Zdziechowski, M. *Pessimism, Romanticism and Christian Foundations*. In Polish).
- Zdziechowski, Marian (1920) *Wpływy rosyjskie na duszę polską*. Krakowska Spółka Wydawnicza, Kraków. (Zdziechowski, M. *Russian Influence on Polish Soul*. In Polish).
- Zdziechowski, Marian (1923) *Europa, Rosja, Azja. Szkice polityczno-literackie*, Stowarzyszenie Nauczycielstwa Polskiego, Wilnie. (Zdziechowski, M. *Europe, Russia, Asia. Political and Literary Essays*. In Polish).
- Zdziechowski, Marian (2009) *Od Petersburga do Leningrada*. Ośrodek Myśli Politycznej, Kraków (Zdziechowski, M. *From St.Petersburg to Leningrad*. In Polish).

Ссылки – References in Russian

- Воронцова 2011 – *Воронцова И.В.* “Мы живем на пороге мировой истории...” Вопросы христианского модернизма в переписке “неохристиан” и “неокаатоликов” М.Э. Здзеховского [Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 2 (39). С. 35–47].
- Воронцова 2013 – *Воронцова И.В.* Профессор Мариан Здзеховский и “неохристиане”: к истории взаимоотношений // *Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji “Wykształcenie I nauka bez granic-2013” 07–15 grudnia 2013 roku*. v. 19. Historia. Przemysł, 2013. P. 39–44.

Лотман 2000 – *Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I. Таллинн: Александра, 1992. С. 200–202.*

Ссылки на иностранных языках см. в разделе References.

Voprosy Filosofii. 2017. Vol. 6. P. 82–91

Marian Zdziechowski's Life and the Worldview

Valentina M. Dianova, Yan G. Skoczynski

The article highlights professor's M.E. Zdziechowski's (1861–1938) major life stages and the distinctive features of his world view. It is shown that the scientific work of the Polish theoretician of culture, the philosopher, the journalist, and the linguist was carried out in a direct contact with prominent figures of Russian culture of the 19–20 centuries. Large-scale historical events that took place during his life, decisively determined the themes of his work and influenced the formation of his world view. As a professor firstly at the Jagiellonian University and then at the Stefan Batory University in his teaching, researching and journalistic work he precisely took care of the understanding of the Polish and Russian peoples, advocated rapprochement of Orthodoxy and Catholicism, promoted Russian literature, which he knew well and loved, and gave lectures on Russian religious thought in Sorbonne (1925), which were published later.

Involving into the research field this Slavic religious thinker's texts, which still little known in Russia, became possible because of the changing the optics of the vision, or in the result of selecting a new communication strategy that emerged in the post-Soviet period has occurred during the shift of political and ideological regimes. Such mental deconstruction applied to the interpretation of specific cultural figures' contribution as well as the rethinking of their world view, enhances the theory of culture. Introducing the new texts may generate and transmit new meanings, fulfilling the semantic field of culture with a diversity.

KEY WORDS: M. Zdziechowski historical heritage, national identity, patriotism, Russian Empire, communication strategies, scientific work interpretation.

DIANOVA Valentina M. – DSc in Philosophy, Professor of the Saint Petersburg State University.

v.dianova@spbu.ru

SKOCZYNSKI Jan H. – DSc in Philosophy, Professor of the Jagiellonian University, Department of Philosophy, Institute of Philosophy, Jagiellonian University.

j.skoczynski@iphils.uj.edu.pl

Received at September 6, 2016.

Citation: Dianova, Valentina M., Skoczynski, Jan H. (2017) Marian Zdziechowski's Life and the Worldview, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2017), pp. 82–91.

References

Lotman, Jury M. (2000) "Memory in the Culturelogical Illumination", Lotman, Jury M. *Elected Articles*, Vol. I, Alexandra, Tallinn, pp. 200–202.

Skoczynski, Jan H. (1994) *Wartość pesymizmu. Studia i szkice o Marianie Zdziechowskim*. Kraków.

Skoczynski, Jan H. (2009) "Marian Zdziechowski – przeciwnik bolszewizmu", Zdziechowski, Marian (2009) *Od Petersburga do Leningrada*, Ośrodek Myśli Politycznej, Kraków.

Vorontsova, Irina V. (2011) "'We are living During One of the Grand Climacterics of the World...'. The Issues of a Christian Modernism in the Correspondence between 'the Neochristians' and 'Neocatholics' M. Zdziechowski", *Vestnic of PSTGU (Istorija)*, Vol. 2, pp. 35–47. (In Russian).

Vorontsova, Irina V. (2013) *Professor Marian Zdziechowsky and "Neochristians" for History of Mutual Relations*, http://www.rusnauka.com/26_WP_2013/Istoria/2_145204.doc.htm#_ftnref26. (In Russian).